

М. К. Чуркин
**МОДЕЛЬ ДИАЛОГА ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
 В ТРАВЕЛОГАХ РОССИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX В.
 В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ**

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-16-23

УДК 82-3 ББК 83.3.(2)“18”

В статье на материалах дневниковых записей российских путешественников XIX в. выявляется содержание имперского метанарратива как модели диалога «человека власти и культуры» и «колониального субалтерна» в ситуации продвижения России в Центрально-Азиатский регион. Высказано предположение, что взаимодействие имперской власти с колонируемыми территориями и народами, в том числе и со своими подданными, происходило в соответствии с принципом культурной дистанции, который проявлялся и тиражировался в текстах военных, дипломатов, государственных чиновников. Идейным фоном показа имперской власти как устойчивой структуры доминирования и подчинения пространств и людей стали концептуальные постулаты эпохи Просвещения, а также теоретические выводы эволюционистов и постэволюционистов, оказавшие знаковое влияние на процессы внутренней колонизации, в параметрах которой утвердилось представление о Центральной Азии как о «собственном Востоке России». В продолжении XIX в. амбиции России в отношении Центральной Азии эволюционировали от реализации экономических интересов к прямой политической экспансии, что положило начало экспертной и военной активности центральных и региональных властей. Анализ текстов травелогов продемонстрировал феномен способности имперского метанарратива к постоянному самовоспроизводству. В рамках дискурса травелогов происходило конструирование в равной мере пластичной и максимально комфортной для империи модели диалога власти и общества, в котором терпимость к культурному своеобразию «подчиненных» требовала ответной политической лояльности, что рассматривалось в качестве условия для стирания культурных границ и имперского присвоения отдаленного региона.

Ключевые слова: *имперский метанарратив, дискурс, травелог, Центральная Азия, Российская империя, имперские эксперты, культурная дистанция*

В современной историографической и социокультурной ситуации трафаретная маркировка России как империи в жесткой привязке к эпохе Петра постепенно утрачивает свою актуальность. В исследовательских штудиях «новой имперской истории» понятия «империя» и «имперская ситуация» приобретают более сложное толкование. Наблюдается отчетливое смещение акцентов к рефлексии генезиса, природы и механизмов имперскости, в основе которых лежат практики доминирования и принуждения. Происходит осознание того факта, что пространственная экспансия, являясь единственной формой существования империи (империя подобна легким — либо дышит, либо схлопывается) неизбежно сопровождается колонизацией территорий и населения с выстраиванием жесткой иерархии, в

системе координат которой действуют два актора: с одной стороны, человек власти и культуры (носитель знания), с другой — субалтерн (подчиненный), являющийся объектом получения знания и, как следствие, колонизации.¹

Историки второй половины XIX — начала XX в., характеризовали Россию как разросшийся удел великих князей московских, подчеркивая, что в процессе колонизации, как в основном триггере российского исторического процесса, с перемещением оседлости в северо-восточную часть ойкумены утверждались вотчинные формы государственности, отлившиеся в XVI–XVII вв. в модель, близкую к абсолютистской, в границах которой суверен (самодержец) реализовывал власть по отношению к своим подданным (холопам).² На рубеже XX–

Чуркин Михаил Константинович — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный университет (г. Омск); г.н.с., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск)
 E-mail: proffchurkin@yandex.ru

¹ См.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012; Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М., 2019.

² См.: Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1987. Т. 1, ч. 1; Любавский М. К. Обзор истории Русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

XXI столетий в научном сообществе тиражируются такие формулы описания организации политического пространства, как «империя на берегах северных рек» (Д. Мейниг),³ «неонатальная империя на востоке» (А. Филюшкин),⁴ «внутренняя империя» (А. Эткинд).⁵ При этом исследователей разных эпох объединяет определение пространства империи как сложно-структурируемой системы, мозаичной в этническом, конфессиональном, социальном и культурном отношении, управляемой только с применением насильственных административных мер. В данной модели власть позиционировала себя как внешняя сила (надсистема), а общество маркировалось этой властью как культурно чуждый объект, составленный из субалтернов (подчиненных), социальных «аутсайдеров», административная организация которых эффективна только при условии соблюдения культурной дистанции.

Принцип культурной дистанции, являвшийся инструментальным приемом в практиках описания и понимания империи, начал конструироваться в удельный период на северо-восточной периферии Руси, внедряясь через понятие вотчины (владения), и приобрел четкие контуры в эпоху Московского царства в теории «холопского» государства Ивана Грозного (все холопы, только одни холопствуют близко, другие — далеко).

Представление о масштабах и значении власти, реализация которой обеспечивается в ситуации культурной дистанции, оказалось запечатлено в имперском метанарративе, функционировавшем как система единых и универсальных понятий, символов, метафор и инструментария описания алгоритмов присвоения культурного пространства, вербализуемом на разных «площадках»: в титулатуре великих князей и государей, включенной в Свод законов Российской империи, официальном делопроизводстве, выставках, демонстрирующих имперские достижения и размах, публицистике и периодической печати, эго-текстах, имеющих антропологическую окраску и фиксирующих естественную, подсознательную эмоционально-экспрессивную реакцию человека на внешний мир.

Важно отметить, что в исследуемый период в описании имперской власти использовались новые идеи эпохи Просвещения, основным лозунгом которой стало выражение «Знание — сила». Во второй половине XIX столетия преимущества носителя знания — «человека власти и культуры» обнаружили поддержку в эволюционистских (Э. Тайлор, Г. Спенсер) и постэволюционистских (Ф. Ратцель, Л. Фробениус) построениях, декларировавших идеи о превосходстве европейской культуры,⁶ а также в трудах ориенталистов,⁷ выводы которых стали для российских имперских теоретиков и практиков (имперского чиновничества) своеобразным обоснованием права господствовать на Востоке и над Востоком.

Одной из распространенных форм проявления подобного превосходства становились отчеты имперских экспертов в формате дневниковых записок (документальных травелогов) — литературы путешествий, рожденной на излете эпохи Великих географических открытий в Европе, получившей широкое распространение в России периода Великих академических экспедиций XVIII в. и в последующее время, когда значимой составляющей ментальных карт Российской империи становится ее периферия, расположенная в азиатской части империи и определяемая как «собственный Восток России».⁸

Существенным представляется экономический и геополитический контекст, в рамках которого Россия, столкнувшись в 1760-х гг. с запретом купечеству заниматься крупной коммерческой деятельностью в Китае и приостановкой российско-цинских приграничных торговых операций, перенесла акценты большой политической игры в Центрально-Азиатский регион, что, с одной стороны, носило вынужденный характер, а с другой — свидетельствовало о «дрейфе» задач империостроительства от защиты фронтальной зоны к подготовке территориальной экспансии в обозримой перспективе. В XIX в., по определению А. Моррисона, продвижение России в Центральную Азию объяснялось уже не столько экономическими соображениями и необходимостью защиты собственной территории, сколько

³ Meinig D. W. The shaping of America: a geographical perspective on 500 years of history. New Haven, 1986. Vol. 2.

⁴ Филюшкин А. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 375–409.

⁵ Эткинд А. Указ. соч.

⁶ См.: Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989; Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1903. Т. 1.

⁷ См.: Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М., 1963–1977.

⁸ Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М., 2013.

экспансионистскими целями.⁹ Несмотря на отсутствие у Петербурга четкого и продуманного плана действий, инициативу разработки программ колонизации центральноазиатских пространств взяли в свои руки местные административные и военные деятели, активно контактировавшие с имперскими экспертами — чиновниками, организованными в разного рода правительственные комиссии, направляемые в регион.

В этой связи обращение к дневникам путешественников в Центральную Азию как способу трансляции имперского сознания и репрезентации имперского метанарратива обусловлено рядом обстоятельств.

Н. Найт, размышляя по поводу специфики российской этнографии XIX в. и отмечая устойчивое внимание в обществе к проблеме народности, в качестве имманентной черты науки о народах отметила склонность к описательным повествованиям и терпимость к менее развитым этническим группам и племенам,¹⁰ что во многом было обусловлено историческим опытом коммуникации со степными регионами, а также чисто практическими, утилитарными целями. Сведения, содержащиеся в записках путешественников, рассматривались как полезные с точки зрения организации эффективного государственного управления в отношении крестьянства как общества традиции, что приобретало актуальность в связи с назревавшими реформами, и могли быть востребованы в процессе колонизации окраин империи и продвижения Российской империи в глубь степной периферии Востока.

Значимым представляется и то обстоятельство, что язык травелогов российских путешественников в Центральную Азию в XIX в. очень точно отражал особую ментальность России как «неонатальной» империи, высокая иерархия которой в этот период ожесточенно оспаривалась в европейском дискурсе о цивилизованных и нецивилизованных народах (Гегель, Энгельс и др.). В данном плане неизменным атрибутом имперского метанарратива, представленного в текстах дневников и записок дипломатов, послов, военных, путешественников, являлся особый покровительственный тон, используемый авторами материалов

при описании образа жизни, правовых порядков, внешнего облика и хозяйственных стереотипов коренных обитателей Центральной Азии, чей статус рассматривался как бы сквозь призму собственного травматического опыта.

Необходимо отметить, что привлеченные к исследованию материалы — записки переводчика Ф. М. Назарова, хорунжего Н. И. Потанина, а также дневник А. К. Гейнса — далеко не исчерпывают всего спектра свидетельств путешественников о Центральной Азии в XIX столетии (за кадром остались записки Д. Телятникова и А. Безносикова, Ф. Зибберштейна и др.). По нашему мнению, именно они наиболее наглядно отражают логику российского проникновения в регион, ставший предметом геополитических интересов империи. Симптоматично, что путешествия в Коканд, предпринятые в 1813–1814 гг. (Ф. М. Назаров) и в 1828–1829 гг. (Н. И. Потанин) носили в основном дипломатически-разведывательный характер, а в отчетных текстах путешественников присутствовали отрывочные характеристики образа жизни автохтонов, социальных отношений, устройства вооруженных сил и управления, слабо отображаемые авторами в контексте имперской экспертной деятельности. Однако уже в дневнике А. К. Гейнса — крупного правительственного чиновника, совершившего служебное путешествие в Степной край в 1865 г. в составе законодательной комиссии по устройству степей — кардинальным образом изменился язык описания территорий, по которым пролегал путь экспедиционеров. Экзотические картины Центральной Азии, вызвавшие преимущественно эмоциональный отклик экспертов первой половины столетия, в соединении со сложившимися в середине XIX в. представлениями о регионе о «как собственном Востоке России», описываются А. К. Гейнсом в сугубо рациональном ключе и содержат прямые рецепты имперского оценывания подвластных территорий.

Практическое назначение поездок в Центрально-Азиатский регион и описательность, в которой демонстрируется терпимость к коренным обитателям, рельефно обозначена во вступительных словах к запискам и дневникам путешественников, посетивших Кокандское ханство и киргизские степи в XIX столетии. К этому следует добавить, что в травелогах второй половины века экспансионистские планы России в отношении территорий и народов Центральной Азии становятся общим

⁹ Цит. по: Сартори П., Шаблей П. Указ. соч. С. 161.

¹⁰ См.: Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в русском географическом обществе. 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 187.

местом, при этом путешественники в восприятии инородцев не ограничиваются констатацией внешних черт их культуры, пытаясь глубже вникнуть в содержательные ее аспекты, что представляется существенным для дальнейшего взаимодействия.

Так, переводчик отдельного сибирского корпуса Филипп Назаров, прошедший в Коканд из Омска в направлении Петропавловска и далее через киргиз-кайсацкую степь в 1813–1814 гг., в преамбуле к запискам отмечал: «Народы, обитающие в средней части Азии, до сих пор остаются мало известными, будучи к ним послан, я старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепления городов сих народов».¹¹ Г. Катанаев, предвзято свидетельствуя хорунжего Н. И. Потанина, командированного в 1829 г. в Коканд для сопровождения посольства, указывал, что «молодому казацкому офицеру было поручено наблюдать за всем, заслуживающим внимания, и, записывая в путевой дневник, представить после возвращения из командировки письменный отчет и маршрутную съемку с описанием пути... После чего записи были представлены в Военное министерство, а копии переданы в министерство иностранных дел и оренбургскому генерал-губернатору».¹² В дневнике А. К. Гейнса сугубо утилитарное назначение поездки по киргизским степям в 1865 г. фиксируется по всему тексту как важнейшее государственное предприятие: «28 июня 1865 г. три члена Комиссии, отправляемой русским правительством для изучения Средней Азии, выехали из Петербурга в Сибирь»;¹³ «Вечером было первое заседание... Г. взялся разработать судебный отдел. Мне поручили внутренний быт, торговлю и военный вопрос, П. — религиозный...»;¹⁴ «читали положение о степи».¹⁵ Демонстрация имперским чиновником административной активности во многом объясняется личным опытом: А. К. Гейнс принимал непосредственное участие в подавлении восстания польской шляхты в 1863 г. и, по свидетельству современников, не

только был задействован в военных операциях, но и внес посильный вклад в организацию управления Царства Польского, попутно занявшись исследованием коренных причин вражды между двумя родственными народами.¹⁶ Став в 1865 г. членом экспедиции (комиссии) из представителей министерств и ведомств для изучения среднеазиатских владений и проектирования законов по их управлению, А. К. Гейнс проявил себя и как чиновник, и как ученый нового типа, представив в своих записках детальные этнографические наблюдения, в числе которых правовые и наследственные отношения в киргизском обществе, функции и роль степной аристократии в организации быта и общественных коммуникаций кочевников.¹⁷

Работа с текстами травелогов, составленных их авторами в разные хронологические периоды XIX в., позволяет артикулировать некоторые предварительные выводы относительно формирования моделей диалога «человека власти и культуры» и «колониального субалтерна», репрезентируемого в форме имперского метанарратива.

Во-первых, исходным пунктом представлений путешественников о центральноазиатских народах являлась восприятие их как «других», что можно рассматривать как вполне типичное свойство травелога как жанра, поскольку знакомство с миром «других» априори предполагает поиск различий. При этом важно заметить, что в рамках ориенталистской интеллектуальной традиции, «другой» позиционировался как «чужой», культурно отсталый, что являлось основанием для культуртрегерства. Авторы травелогов, повествуя об образе жизни и занятиях коренных обитателей, по умолчанию повсеместно используют универсальный прием экзотизации восточного мира, с которым они пришли в соприкосновение. Ф. М. Назаров в своих записках сообщал: «Вечеру киргизы собрались толпой на берег, бежали в запуски, стреляли из луков в цель..., а молодые девушки, сидя в ряд у решеток в юртах и приподняв полы войлоков, сопровождали музыку голосами».¹⁸ Завершая свое описание, Назаров маркирует местных жителей как «беззаботных обитателей», «веселых и беспечных жителей», «не имеющих законов и утверждавшихся на одном Алкоране».¹⁹

¹¹ Назаров Ф. М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика. СПб., 1891. С. 1.

¹² Потанин Н. И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н. И. Потанина // Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н. И. Потанина. СПб., 1909. С. 193.

¹³ Гейнс А. К. Дневник 1865 г. Путешествия по киргизским степям // Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. СПб., 1897. Т. 1. С. 181.

¹⁴ Там же. С. 208.

¹⁵ Там же. С. 209.

¹⁶ См.: Там же. С. 4, 5.

¹⁷ См.: Гейнс А. К. Указ. соч. С. 229–231.

¹⁸ Назаров Ф. М. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 8, 10.

Н. И. Потанин, как человек военный, особое внимание обратил на организацию воинского формирования Кокандского ханства, подчеркнув со свойственным цивилизованному европейцу апломбом необычность внешнего облика и хаотичность строя кокандцев: «Воины были одеты в халаты различного цвета и в чалмы, также разноцветные, и ехали без всякого порядка...»²⁰

В описании путешествия А. К. Гейнса можно отметить уже постоянное обозначение культурной дистанции, априори отделяющей «человека власти и культуры» от «колониального субалтерна», диапазон которой достаточно широк — от исходного предубеждения цивилизованного человека в отношении дикаря-субалтерна: «Вид моего ямщика-киргиза меня очень занял. ...Глаза пещерного человека блестели каким-то лисичьим блеском из узких, косо разрезанных щелей... Бормоча что-то..., он показывает зубы, блестящие как перламутр. Узкий лоб отброшен назад; голова широкая, переносье придавленное, скулы особенно развиты... недалеко он ушел от шимпанзе»,²¹ — до покровительственных рассуждений о киргизском народе, который может иметь собственный суд, но должен содержать всю администрацию, поставляемую для управления им, за свой счет.²²

Во-вторых, внутренний ориентализм России имел свои очевидные особенности. В отличие от классического западного колониализма, в параметрах которого культурные различия постулировались с опорой на явное этническое, расовое, лингвистическое несходство, что порождало устойчивую оппозицию «свой — чужой» и придавало ей политическое значение, в России культурная дистанция не совпадала с этнической. Протяженность территории и потребность в ее подчинении центру пересиливали этнические, религиозные, языковые и прочие несходства. В этой связи империя разрабатывала и использовала множество практик, обеспечивавших внешне бескровные и условно комфортные для аборигенов варианты колонизации, демонстрируя готовность к принятию сложившихся в Центральной Азии форм общественного уклада коренных народов, толерантность к их обычаям и культурным стереотипам. Так, Ф. Назаров констатировал, что в пределах Туркестана, как

наместничества Кокандского ханства, «путешественник встречает более образованности в гражданской жизни, начинает видеть... постоянные селения..., красивые города»²³ и хорошо организованную систему управления, основу которой составляют «законы, совершенно представленные в руки духовенства».²⁴ Н. И. Потанин, описывая свои впечатления от посещения тех же мест, свидетельствовал: «Взорам путешественника представляются в странах этих уже не дикие, бесплодные пустыни, не народы, переходящие с подвижными жилищами и многочисленными стадами с одного места на другое, не имеющие понятия о выгодах благоустроенных обществ...; здесь он видит повсюду поля..., обширные города и многие селения, видит народ, соединённый в политическое тело, достигший некоторой степени гражданской образованности...»²⁵

В-третьих, характерной чертой организации политического пространства империи является особая манера коммуникации «центр — периферия». В условиях российского имперского тела центр покровительствовал окраинам и активно коммуницировал с ними, ограничивая их в возможности сообщения между собой, что порождало специфическую атмосферу культурного диалога, в котором окраине отводилась роль молчаливого субалтерна. В имперском дискурсе травелогов прием дискредитации и, как следствие, демонстрации подчиненного (униженного) статуса окраины особо заметен во фрагментах текстов, посвященных характеристике региональных чиновников и общественных деятелей, бывших как участниками экспедиций, так и сановными фигурами, с которыми экспедиционеры приходили в контакт. Диапазон артикуляции имперского господства представлен в травелогах необычайно широко — от легкой иронии до откровенных насмешек. С. Б. Броневский писал о составе участников экспедиции в Большую Орду: «В этом нелегком пути, помимо казаков, нас сопровождали князь Дадиян, “премилый молодой человек и наездник как природный мингрелец”. Гражданские чиновники: Сушин, “нюхавший весь поход табак”, Налабардин, “бывший семинарист, от которого пахло до сих пор ладаном”. Чиновник Горский — “довольно ученый, довольно горбатый”. Лекарь Зибберштейн — “авантюрист,

²⁰ Потанин Н. И. Указ. соч. С. 234.

²¹ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 225.

²² См.: Там же. С. 211.

²³ Назаров Ф. М. Указ. соч. С. 29.

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ Потанин Н. И. Указ. соч. С. 235.

охотник пускать шутки, и злословие подсказывало, будто он происходил из странствующего иудейского племени».²⁶ А. К. Гейнс, иронично-осторожно высказавшись о «фантастическом халате Ч. Ч. Валиханова», самым беспощадным образом расправился с омскими чиновниками. «Я не без любопытства смотрел на тушу мяса, называемую Дюгамелем, которая, т. е. туша, пользовалась когда-то репутацией ученой... Из разговора Дюгамеля я увидел, что он знает край не лучше меня, что он апатичен, равнодушен ко всему и враждебен нашему наступлению в Средней Азии... Он был любезен с нами, но сквозь эту любезность проглядывала враждебность и недоверие к нашим силам».²⁷

Далее А. К. Гейнс косвенно высказывает претензии местному чиновничеству по различным поводам. Так, о деле сибирских сепаратистов он упоминает походя, называя его «детским», видимо, недостойным приданного ему внимания, предпочитая больше говорить о заседаниях, посвященных разработке маршрута экспедиции, и порядке работы экспертов. Выбор пункта продолжительной оседлости путешественников — Алатавского округа — был определен также с комментарием: «...там киргизы менее испорчены администрацией».²⁸ Во время обеда у Дюгамеля в компании местного высшего общества Гейнс с чувством внутреннего негодования отмечает неприязненное отношение сообщества чиновников к покойному Ч. Валиханову, которому государь дал аудиенцию и которого поцеловал, заметив, что на его высказывание о высоком авторитете Валиханова среди ученых-ориенталистов публика ответила неудовлетворенным молчанием. За эту реакцию он расплачивается сполна критикой проекта Степного положения: «Господи, что за чепуха...», — резюмируя, что «...если из Омска перенести резиденцию генерал-губернатора, он непременно упадет и превратится в полудеревню... Впрочем, перенос резиденции, несмотря на очевидную необходимость, затруднится тем, что у большинства влиятельных чиновников собственные дома в Омске»,²⁹ — а позднее — описанием увеселительного вечера совместно с высшим омским

кругом в «так называемой Загородной роще», представлявшей «поляну на берегу Иртыша, окруженную лесом, ...с дурными деревянными постройками... и юртами с лотереей, на которую автор, по собственному свидетельству, издержал 25 рублей...»³⁰

В-четвертых, если территориальная экспансия и стремление к присвоению пространства и людей сопровождалась открытым сопротивлением или его попытками, империя четко декларировала правила субординации для субалтернов. Показательно, что риторика окриков и запугивания (пинков и зуботычин) в имперском нарративе максимально отчетливо звучала по мере продвижения путешественников вглубь азиатского континента, где чужеродность обитателей требовала осуждения и принятия радикальных решений.

В частности, имперские настроения в описании маршрута экспедиции в травелог А. К. Гейнса усиливались и проявлялись наиболее отчетливо по мере движения от Петропавловска в направлении степной периферии, которая воспринималась путешественником в качестве «чужой» земли. Мир за таможенной чертой как иное цивилизационное измерение описывается Гейнсом на противопоставлении с привычным российским ландшафтом и социальной обстановкой: «...Теперь пропали даже редкие кусты березы. Полынь, росшая в изобилии до Петропавловска, здесь также пропадает; вместо нее из почвы выглядывает пучкообразный кипец... На горизонте степи показывались по временам группы всадников... Кажется, что едешь ко двору какого-нибудь монгольского императора...»³¹ Отрыв от привычной коммуникативно-информационной среды и погружение в мир чужой культуры активировали в сознании чиновника-путешественника стандартные для его времени представления, в которых мотив имперской безопасности выдвигался на первый план. Получив от касимовского татарина Гассана противоречивые сведения о восстании киргизов в Туркестанском крае, Гейнс записывает: «Я всегда был противником наших приобретений от Коканда до Бухары, но чувствую, что теперь, в виду грозящей нам опасности, отступить нельзя... Во всяком случае Бухару нужно так наказать, чтобы испугать всю Среднюю Азию... Нам нужно собрать силы и пушками

²⁶ Цит. по: Усманова Э. Письмо генерал-майору С. Б. Броневскому, или Тени забытых зимовок. Ч. 1. URL: <https://zonakz.net/2009/12/08/pismo-generalu-majoru-s-b-bronevskom/> (дата обращения: 21.05.2023).

²⁷ Гейнс А. К. Указ. соч. С. 206.

²⁸ Там же. С. 208.

²⁹ Там же. С. 210.

³⁰ Там же. С. 212.

³¹ Там же. С. 224, 225.

открыть средне-азиатские рынки нашим произведениям...»³²

«Чужой» мир мобилизовывал имперское чувство и у других экспедиционеров. Так, Ф. Назаров, подчеркивая культурные различия между автохтонами и путешественниками, писал: «Народ, когда замечал, что мы без тамошних чиновников, то бежал за нами толпами, кидал в нас камнями и кричал: Кафар! Кафар! т. е. — безбожники».³³ Комментируя этот знаковый для него эпизод, путешественник с явным удовольствием и подоплекой рассказывает о реакции местного населения на воинские навыки и боевую организацию казачества: «...народ с утра до ночи толпился в саду, смотрел на нас как на чудо; рассматривали нашу амуницию, красные казацкие шапки, сабли...»³⁴ При этом Назаров, довольно подробно останавливается на важном, с его точки зрения, сюжете «демонстрации силы», когда после урегулирования всех неопределенностей казакам было предложено предъявить свою воинскую выучку: «Казачий офицер

выбрал лучших казаков, маршировал, палил плутонгами, делал атаку, и сими маневрами совершенно изумил кокандцев».³⁵

Подводя итоги, можно говорить о том, что в дискурсе травелогов происходило самовоспроизводство имперского метанарратива, который являлся исходной установкой, данностью в формировании представлений и практической деятельности имперских экспертов. Путешественники в Центральную Азию на страницах своих путевых заметок и дорожных дневников вольно или невольно включались в конструирование, с одной стороны, максимально пластичной, с другой — комфортной для империи модели диалога «человека власти и культуры» с «колониальным субалтерном». Империя готова была демонстрировать терпимость по отношению к культурному своеобразию подчиненных при их политической лояльности, что, в свою очередь, использовалось для стирания культурных различий и создания на восточных окраинах большой русской нации.

Mikhail K. Churkin

Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University; Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the RAS (Russia, Omsk; Tobolsk)

E-mail: proffchurkin@yandex.ru

A MODEL OF DIALOGUE BETWEEN POWER AND SOCIETY IN THE TRAVELOGUES OF THE 19TH CENTURY RUSSIAN TRAVELERS TO CENTRAL ASIA

The article on the materials of the 19th century Russian travelers' travelogues reveals the content of the imperial meta-narrative as a model of the dialogue between the "man of power and culture" and the "colonial subaltern" in the situation of Russia's advance into the Central Asian region. It is suggested that the communication of the imperial power with the colonized territories and peoples, including its subjects, was implemented in accordance with the principle of cultural distance, which was represented and replicated in the texts of the military, diplomats, government officials. The ideological background for the representations of imperial power as a stable structure of domination and subordination of spaces and people was the Enlightenment postulates, as well as the theoretical conclusions of evolutionists and post-evolutionists, which had a significant impact on the processes of internal colonization, in the parameters of which the idea of Central Asia as "Russia's own East" was established. In the course of the 19th century Russia's ambitions towards Central Asia evolved from the realization of economic interests to direct political expansion, which initiated the expert and military activity of the central and regional authorities. An analysis of the discourse of travelogue texts has demonstrated the phenomenon of the imperial meta-narrative ability to constant self-reproduction. Within the framework of the travelogue discourse, a model of dialogue between power and society that was equally flexible and most comfortable for the empire was being constructed, in which tolerance for the cultural identity of "subordinates" required reciprocal political loyalty. It was seen as a condition for erasing cultural boundaries and imperial appropriation of a remote region.

Keywords: *imperial meta-narrative, discourse, travelogue, Central Asia, Russian Empire, imperial experts, cultural distance*

³² Там же. С. 217, 218.

³³ Назаров Ф. М. Указ. соч. С. 65.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же.

REFERENCES

- Bartold V. V. *Sochineniya: v 9 t.* [Works: In 9 vols.]. Moscow: Izd. vost. lit., Nauka Publ., 1963–1977. (in Russ.).
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization. Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2016. (in Russ.).
- Filyushkin A. [The Problem of the Genesis of the Russian Empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: “Tsentr Issledovaniya Natsionalizma i Imperii” Publ., 2004, pp. 375–409. (in Russ.).
- Knight N. [Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society. 1845–1855]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 155–198. (in Russ.).
- Lyubavsky M. K. *Obzor istorii Russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremyon i do XX veka* [Review of the History of Russian Colonization from Ancient Times to the 20th Century]. Moscow: MGU Publ., 1996. (in Russ.).
- Meinig D. W. *The Shaping of America: a Geographical Perspective on 500 Years of History*. New Haven: Yale University Press, 1986, vol. 2. (in English).
- Sartori P., Chablais P. *Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazakhskoy stepi* [Empire Experiments. Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2019. (in Russ.).
- Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside. Practices of Internal Colonization in the Cultural History of Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. (in Russ.).
- Tylor E. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1989. (in Russ.).
- Tolts V. “*Sobstvennyy Vostok Rossii*”: *Politika identichnosti i vostokovedeniye v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [“Russia’s Own East”: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013. (in Russ.).

Для цитирования: Чуркин М. К. Модель диалога власти и общества в травелогах российских путешественников XIX в. в Центральную Азию // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 16–23. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-16-23.

For citation: Churkin M. K. A Model of Dialogue between Power and Society in the Travelogues of the 19th Century Russian Travelers to Central Asia // Ural Historical Journal, 2023, no. 4(81), pp. 16–23. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-16-23.